

АРХЕОЛОГИЯ

Л.Б. Гмыря

**ИЗУЧЕНИЕ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ
НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАСПИЙСКОГО ДАГЕСТАНА
(IV–VII ВВ.)**

Проблема формирования и развития духовной культуры населения в древности является одной из приоритетных в исторической науке. Ее разработка проводится исследователями на базе разнохарактерных источников, в основном письменных, археологических и фольклорных. Археологические материалы, являющиеся овеществленными свидетельствами древних верований населения, имеют существенное значение для реконструкции системы воззрений на мир различных этнокультурных образований. Как объекты ритуального назначения, так и другие предметы материальной культуры, выявляемые в культурных слоях поселений и содержащиеся в погребальном инвентаре могильников, наделены определенной символикой. Они включают в себя закодированные представления социальных коллективов о вселенной, окружающей ойкумене и жизненно важных процессах функционирования. Символика атрибутов материальной культуры проявляется в архитектуре строительных сооружений, форме объектов различного назначения и их расположении на местности, а также в морфологии предметов (изделий) материальной культуры, структуре и мотиве орнаментов, содержании изобразительных сюжетов, характере знаков на предметах, особенностях материала, из которых они изготовлены, цвете изделий и др. Расшифровка символики атрибутов материальной культуры позволяет выявить ценностные ориентиры различных этнокультурных образований эпох древности и их устойчивые мифологические образы, составляющие структуру системы религиозных верований и мировоззренческих представлений.

Продуктивность решения проблемы раскрытия, посуществу, закодированной информации, содержащейся в предметах материальной культуры древних эпох, во многом зависит от методических приемов исследования, в частности, решающую роль играет система отбора атрибутов материальной культуры, содержащих символику религиозного характера. Исследователи обычно выделяют среди предметов материальной культуры изделия с изображениями ярковыраженных религиозных сюжетов, находящих аналогии в мифологии, письменных источниках или ритуальной практике, зафиксированной этнографическими наблюдениями. Основная масса изделий, наделенных определенными символическими изображениями (знаком, системой знаков, орнаментом, стилизованными изображениями человека, животных и птиц), зачастую воспринимается исследователями как предметы, содержащие проявления эстетического или функционального характера и не имеющие отношения к религиозным представлениям.

Однако замечено, что в древности практически все объекты и предметы материальной культуры были бифункциональны, т.е. они использовались в различных областях деятельности человека и в то же время наделались сакральной символикой. Пряслице, к примеру, будучи составной частью веретена, с помощью

которого осуществлялось прядение волокна из различных материалов, имело и сакральную функцию с широким диапазоном символики (Полидович Ю.Б., Полидович Е.А., 1999. С. 220–221; Цимиданов В.В., 1999. С. 224–226; Шишлина Н.И., 1999. С. 8–27). Любые предметы вооружения по своему назначению строго функциональны и в то же время они несли в себе обширную символику, в том числе и эротическую (Гмыря Л.Б., 2001; 2003; Шереметьев Д.А., 2001). В силу вторичной функциональности многие категории предметов материальной культуры использовались в ритуальной практике как сакральный инвентарь и помещались в могилы с той же символикой. Наиболее обширную информацию о содержании духовной культуры населения можно получить при анализе возможно более широкого круга археологических объектов и предметов.

Археологические памятники Прикаспийского Дагестана IV–VII вв. содержат материалы, характеризующие как компоненты бытовой культуры различных этнических образований, так и духовной культуры их носителей. База археологических материалов сакрального значения включает более тысячи единиц, составляющих свыше 40 функциональных категорий предметов. Это предметы ритуального назначения, изделия с символическими изображениями и знаками – орнаментированные металлические зеркала с центральной петлей для подвешивания; стержневые привески с петлей для подвешивания и различной формы фигурными концами; височные привески узколенчатой формы с фигурными концами; изделия с многогранной бусиной; антропоморфные изображения; зооморфные изображения; металлические подвески различных форм (колокольчики, двулезвийные секиры, лунницы, подвески в форме орудий труда, стержневые подвески с шаровидными концами; подвески-наконечники стрел; подвески-игольники; подвески в виде руки и др.); инкрустированные бляхи; подвески из ракушек; подвески из костей животных; пряслица с орнаментом и знаковыми начертаниями; кремневые орудия труда из погребальных комплектов; игральные предметы; ритуальные наборы в сумочках из погребальных комплексов; керамические сосуды с наклепными знаками; сосуды с заоморфными ручками (лошадка, кабан, хищники кошачьей породы, мелкорогатные особи, птицы и др.); кувшины с сюжетным орнаментом («пышный», «древо жизни», «древо жизни» в сочетании со змеями); кувшины с декором черт кабана, лошади, птиц; различные изделия со знаковыми начертаниями (черепица, кувшины, браслеты); клейма на донцах сосудов; сюжетные и орнаментальные изображения на костяных накладках седел; декор женских костюмов погребенных и др.

Объем фонда сакральных предметов позволяет воссоздать в относительно полном объеме характер заключенной в них символики, очертить круг духовных ценностей населения Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв., выявить истоки формирования его религиозных верований и пути их трансформации.

Первые работы, в которых дана интерпретация изображений, помещенных на некоторых предметах материальной культуры Дагестана, появились в конце 50-х гг. XX в. В монографии К.В. Тревер «Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. – VII в. н.э.» (Тревер К.В., 1959) в разделе, посвященном истории и культуре Кавказской Албании в IV–VII вв., рассмотрена семантика орнамента «древо жизни», запечатленного на предметах и объектах материальной культуры, выявленных как на исторической территории Кавказской Албании, так и в других регионах Северного Кавказа, в том числе и в Дагестане. Автором рассмотрены пять разновидностей изображений: 1) деталь орнамента

«древо жизни» в виде цветка и пары павлинов по обеим его сторонам, которые клюют растение. Обломок каменной плиты, на котором представлено это изображение, являлся как предполагается, частью каменной капители христианского храма. Верхний уровень плиты с изображением увенчан албанской надписью. Плита с изображением «древо жизни» обнаружена на территории христианского храма VI–VII вв. в Судагылане у Мингечаура (*Тревер К.В.*, 1959. С. 318. Табл. 28); 2) деталь орнамента «древа жизни» в виде цветка, помещенного на сердоликовую печать, происходящую из погребения у с. Хинисли Шемахинского района (*Тревер К.В.*, 1959. С.319–320. Рис. 38, 1); 3) орнамент «древо жизни» в виде двух ветвей, цветка, плодов и пары павлинов по бокам священного дерева, венчающих ступенчатый пьедестал (*Тревер К.В.*, 1959. С. 317–318. Рис. 38, 2. Табл. 30–31). Это изображение помещено на передней части тулова бронзового кувшина с вытянутым сливным носиком и массивной изогнутой ручкой. Сосуд из собрания А.А. Бобринского происходит из горных районов Дагестана; 4) рельефное изображение «древа жизни» с цветком, плодами и парой серн по его сторонам, пожирающих плоды, на керамической плите. Этот объект происходит из древнего храма Тхоба-Ерды в Ингушетии (*Тревер К.В.*, 1959, С. 319. Рис. 38, 3. Табл. 29). Над изображением одной из серн имеется начертание креста, а в нижней части плиты помещено шесть буквенных начертаний в зеркальном отражении. Языковая принадлежность букв на рельефе определяется или как грузинская (*Тревер К.В.*, 1959. С. 319, 336–337; *Бардавелидзе В.В.*, 1957. Табл. 2), или как албанская (Орбели И.А. – См.: *Тревер К.В.*, 1959. С.336. Прим. 5).

По стилистике изображений священных деревьев, птиц и животных около него К.В. Тревер отнесла предметы, на которых они были помещены, к VI–VII вв. (*Тревер К.В.*, 1959. С. 319). Истоки сюжета «древа жизни» автор выводила из среднеазиатских образцов. Использование этих изображений на объектах христианской направленности (изображение 1 и 4) и в заведомо христианской среде К.В. Тревер объяснила живучестью древних традиций этого сюжета, отмечая при этом, что в христианской среде символика мифических образов изменилась.

Семантика орнамента «древо жизни» автором трактуется как символ плодородия: «Древо, птицы и козлы символизируют несомненно земное плодородие, его животный и растительный мир, связанный с представлениями о воде и орошении, т.е. являются, как мне кажется, символом подательницы этих благ – среднеазиатской Анахиты, среднеазиатской Ардвисуры – той богини албанского пантеона, имени которой мы не знаем, но которую Страбон называет греческим именем Лунного божества, связанного с водным началом, – Селеной» (*Тревер К.В.*, 1959. С. 321–322). Изображения павлинов в языческой символике, по замечанию К.В. Тревер, олицетворяют смерть, а в христианской – жизнь (*Тревер К.В.*, 1959. С. 322).

Обращает на себя внимание, с одной стороны, малочисленность изделий с сюжетом «древо жизни», происходящих с территории Кавказской Албании (два изображения), а с другой – некорректность причисления к культуре албанских племен изделий, выявленных на других территориях Северного Кавказа (изображения 3 и 4). Единство стилистики изображений священных деревьев и птиц на различных образцах, просматриваемое К.В. Тревер, не бесспорно. Как представляется, в них больше различий, чем сходства. Объединяет их не столько существование предполагаемого прототипного изображения (*Тревер К.В.*, 1959. С. 320), сколько общий мифологический сюжет о «древе жизни», бытовавший на Кавказе в раннем средневековье. Художественная трактовка этого сюжета в изделиях де-

коративно-прикладного искусства зависела, видимо, от локальных вариантов мифологического сюжета. Следует обратить внимание на факт отсутствия изображений «древа жизни» в дохристианский период истории Кавказской Албании и на возможную связь образца с изображением 1 с христианской символикой (деталь христианского храма). Определение изображений, рассмотренных К.В. Тревер как символов богини луны албанского пантеона, также не совсем убедительно. Однако сама постановка проблемы – истоки, содержание, символика изображений «древа жизни» в произведениях искусства народов Кавказа являлась продуктивной и важной.

В публикациях В.И. Марковина и М.И. Исакова (*Марковин В.И., Исаков М.И., 1959. С. 139–142. Рис. 58 и 59; Исаков М.И., 1966. С. 92. Табл. 4, 10*) дан первичный анализ костяной фигурки женщины с ребенком на руках с территории Дагестана, которую авторы отнесли к предметам культа (*Марковин В.И., Исаков М.И., 1959. С. 142*), хотя и не затронули семантику изображенных образов. Однако, ставя задачу главным образом определения хронологии изделия, авторы провели его стилистический анализ, определив круг аналогий среди культовых антропоморфных изображений эпохи энеолита. Трудность установления датировки статуэтки, обусловленная сомнительностью сведений о месте и обстоятельствах ее обнаружения, выдвинула среди решающих факторов датировки особенности стилистики женской фигурки. Главными среди них, по мнению авторов, являются признаки циркульной деформации черепа, просматриваемые на голове женской фигурки. По аналогии с тождественной стилистикой головы фигурки человека, помещенной на навершии ножа, обнаруженного на одном из памятников эпохи энеолита в Иране, авторы «ориентировочно» предложили датировать дагестанскую фигурку женщины с ребенком поздним энеолитом (*Марковин В.И., Исаков М.И., 1959. С. 142*). Однако недостаточность аргументированной базы при определении датировки этого изделия дает возможность, опираясь на признак искусственной деформацией черепа, отнести данное изделие и к раннему средневековью (*Маммаев М.М., 1989. С. 134*), т.к. некоторые могильники Прикаспийского Дагестана этого времени содержат погребения с искусственной деформацией черепов (Верхнечирюртовский I грунтовый, Паласа-сыртский курганный и др.).

Важным этапом в изучении духовной культуры населения Дагестана является лаконичный по объему, но емкий по содержанию анализ религиозных представлений эпохи раннего железа, проведенный М.И. Пикуль в монографическом исследовании «Эпоха раннего железа в Дагестане» (*Пикуль М.И., 1967. С. 168–169*). В этой работе автором среди других затронут вопрос о семантике некоторых изображений на керамических сосудах (орнамент из заштрихованных треугольников на мисках из погребений сарматского периода и налесты в виде змеи на них), которые интерпретированы как атрибуты земледельческого культа.

К культовому предмету отнесена М.И. Пикуль и бронзовая подвеска в виде фигурки обнаженного мужчины в головном уборе, входившая в инвентарь детского погребения 1 Бавтугайского могильника VIII в. (*Пикуль М.И., 1957. С. 7, 23, 29. Табл. XXIII, б*). Автор определила эту подвеску как амулет, однако не расшифровала семантику воплощенного в ней образа. Важной является публикация М.И. Пикуль о Дурангинском могильнике (*Пикуль М.И., 1991*), в инвентаре одного из погребений которого находился кувшин с орнаментом «древо жизни».

Изучение символики изображений на предметах материальной культуры получило системный характер в работах М.М. Маммаева. В докладе «О знаках на

керамике Урцекинского городища», прочитанном на общесоюзной сессии в 1965 г. в г. Баку, М.М. Маммаев впервые в дагестановедении поставил проблему смыслового содержания знаковых изображений на керамических сосудах, происходящих с памятников античного и раннесредневекового времени (*Маммаев М.М.*, 1965. С. 172–173). Автор пришел к выводу о наличии двойной функции знаковых изображений на ручках, туловах и горловинах сосудов, определив их и как метки ремесленников (гончарные клейма) и как знаки-обереги содержимого сосудов (*Маммаев М.М.*, 1965. С. 173). Материалы доклада в развернутом виде представлены в обширной статье «Знаки на керамике Урцекинского городища» (*Маммаев М.М.*, 1973. С. 88–99). Это исследование основано на материалах керамической коллекции городища Урцеки албано-сарматского и раннесредневекового времени. Систематизация всего корпуса знаков этого памятника проведена автором с использованием формальных признаков (линейно-геометрические, орнаментально-видные и точечно-черточные изображения) (*Маммаев М.М.*, 1973. С. 88. Рис. 2–4). К примеру, в одну классификационную единицу автор включил знаки в виде креста, стрелы, двух перекрещивающихся под углом линий, вертикальных насечек и другие (*Маммаев М.М.* 1973. Рис. 2), хотя смысловое содержание этих начертаний различно. В этой работе автором поставлена цель определения смыслового содержания знаковых изображений на керамических сосудах, для решения которой, как представляется, более продуктивной является разработка дробной классификации знаков, основанной на их форме, и проведение тематической классификации, базирующейся на данных о местоположении знака на сосуде. В определенной степени эти вопросы затронуты М.М. Маммаевым, но в обобщенном виде, не развернуто (*Маммаев М.М.*, 1973. С. 88, 91–92).

Основной вывод автора состоит в том, что знаки на керамических сосудах являются главным образом ремесленными метками (гончарными клеймами) (*Маммаев М.М.*, 1973. С. 94), но знаки на ручках сосудов определены М.М. Маммаевым как смысловые, имеющие значение оберегов (*Маммаев М.М.*, 1973. С. 96–99). Сосуды с подобными знаками им отнесены к разряду ритуальных и тарных, используемых для хранения и переноса «определенного вида жидкости» (*Маммаев М.М.*, 1973. С. 97). Им выявлены широкие аналогии знакам на керамике городища Урцеки и сделан вывод о высоком уровне развития гончарного ремесла на этом памятнике. Автор предположил существование у населения этого города в VI–VII вв. письменности, определив некоторые знаки на керамике как буквенные изображения (*Маммаев М.М.*, 1973. С. 96, 99).

В статье М.М. Мамаева «О происхождении одного дагестанского орнаментального мотива» затронут вопрос о семантике изобразительного сюжета «древо жизни» на некоторых типах керамических сосудов с городища Урцеки (*Маммаев М.М.*, 1967. С. 147–164). Автор детально рассмотрел содержание различных вариантов изобразительного сюжета, определил технику его исполнения, выявил аналогии (*Маммаев М.М.*, 1967. С. 149–153). Следует заметить, что информация автора о массовости такого рода керамики на некоторых поселениях Прикаспийского Дагестана, в частности, городище Таргу, основанная на материалах разведок (*Маммаев М.М.*, 1967. С. 154), не нашла подтверждения при раскопках этого памятника. Автор связывает бытование сюжета «древо жизни» на керамических сосудах городища Урцеки и других памятников с несколькими факторами – влиянием переднеазиатской традиции искусства древности и сасанидского искусства VI–VII вв., а также отражением идеологических представлений населения Прикаспийско-

го Дагестана, зафиксированных в письменных источниках (*Маммаев М.М.*, 1967. С. 155–156). Однако на территории Дагестана декорирование керамических сосудов сюжетом «древо жизни» бытовало в относительно узкий хронологический период (VII–VIII вв.), оно не имело прототипов в предшествующие исторические периоды, а ареал керамики с подобным орнаментом четко ограничен средней частью Прикаспийского Дагестана с центром производства на городище Урцеки (*Гмыря Л.Б.*, 2001б; 2008). Анализ этой ситуации, проведенный на основе данных письменных источников о характере религии населения Прикаспийского Дагестана в VII в. и археологических материалов (*Гмыря Л.Б.*, 2008; 2009. С. 283–312), показал, что культ священного дерева являлся составной частью религиозных верований населения «страны гуннов», преимущественно тюркоязычного.

Эта же тема – орнамент «древо жизни» на керамических сосудах и формы его трансформации затронута М.М. Маммаевым в публикации археологических материалов из с. Кубачи и его окрестностей (*Маммаев М.М.*, 1999). В частности, в ней представлены данные о неизвестном ранее виде орнамента «древо жизни» в форме змеевидоизогнутых ветвей дерева, украшавших сосуд из окрестностей с. Уркарах (*Маммаев М.М.*, 1999. С. 217. Рис. 5). Вопрос о трансформации орнамента «древо жизни» автор поднимал и в ранее изданной статье по материалам городища Урцеки (*Маммаев М.М.*, 1967. С. 154. Рис. 4–5). Автор объяснял это явление (трансформацию канонов изображения) упрощением технологии выработки этих сосудов в связи с массовостью производства, с одной стороны, и с утратой населением содержания мифа, лежащего в основе изобразительного сюжета – с другой (*Маммаев М.М.*, 1967. С. 154). Названные причины могли существенно повлиять на изменение содержания этого вида изображения, но необходимо подтвердить их значимость статистическими данными о разновременности сосудов с «классическим» сюжетом изображений и трансформированным сюжетом, а также рассмотреть ряд других факторов.

Знаковые изображения и изобразительные сюжеты на керамических сосудах с раннесредневековых памятников Прикаспийского Дагестана рассмотрены М.М. Маммаевым также в обобщающих исследованиях, посвященных характеристике ремесленного производства (*Маммаев М.М.*, 1971а) и декоративно-прикладного искусства (*Маммаев М.М.*, 1989. С. 66–68). В диссертационном исследовании (*Маммаев М.М.*, 1971а) этой проблеме посвящены два специальных раздела главы III «Гончарное производство» – «Знаки на керамике» (*Маммаев М.М.*, 1971а. С. 115–138) и «Гончарные клейма» (*Маммаев М.М.*, 1971а. С. 138–146). Раздел «Знаки на керамике» по содержанию идентичен статье, рассмотренной выше (*Маммаев М.М.*, 1973).

Раздел «Гончарные клейма» посвящен анализу изображений на донцах керамических сосудов с городищ и поселений Северного Дагестана, главным образом Андрейаульского городища из раскопок Д.М. Атаева 1967–1968 гг. М.М. Маммаевым проведена классификация форм знаковых изображений (*Маммаев М.М.*, 1971б. С. 139–140), при этом выделено из 44 отпечатков на донцах около 10-и разновидностей знаков. Исследователь определил функциональное назначение знаковых изображений на донцах сосудов как двойственное – знаки мастеров (метки), одновременно отражающие религиозно-магические представления ремесленников (*Маммаев М.М.*, 1971а. С. 144–145). Заключение М.М. Маммаева основаны на аналогичных разработках исследователей по материалам других этнокультурных сообществ эпохи средневековья и могут быть углублены как но-

выми материалами с территории Прикаспийского Дагестана, так и анализом мировоззренческих представлений по данным письменных источников.

Важными для изучения семантики ритуальных предметов, изображений и знаков являются также исследования М.М. Маммаева, посвященные характеристике изделий металлообрабатывающего ремесла (*Маммаев М.М.*, 1969. С. 189–224; 1971а. С. 166–201; 1989. С. 31–33), главным образом высокохудожественных подвесок различных форм с богатой орнаментацией; поясных пряжек с чертами зооморфности; металлических зеркал; инкрустированных цветными камнями изделий; браслетов с зооморфными деталями и знаковыми начертаниями, выполненных из драгоценных металлов, происходящих из комплексов некрополей Урцекского городища. Семантика орнаментики и декорирования этих изделий М.М. Маммаевым практически не рассматривалась, за исключением изделий с инкрустацией поделочными камнями (*Маммаев М.М.*, 1989. С. 33). Основное внимание автор сосредоточил на характеристике художественных особенностей изделий и установлении круга аналогий. Однако детальная классификация орнаментированных металлических изделий, проведенная автором, установление их функциональности, подробное и квалифицированное описание форм изделий и их орнаментики дают возможность продуктивно исследовать заключенную в них символику.

Содержание символики многих изделий декоративно-прикладного искусства специально рассмотрено М.М. Маммаевым в рукописной работе «Духовная культура (идеология) населения средневековых городов Дагестана» (*Маммаев М.М.*, 1971б. С. 1–54). В ней затронуты вопросы символики разбитых металлических зеркал и намеренно поломанного оружия в погребениях (*Маммаев М.М.*, 1971б. С. 11). Дана также интерпретация декора бронзовой бляхи с изображением «мать и дитя» из погребения Верхнечирюртовского I грунтового могильника, символика которого атрибутирована автором как языческая (*Маммаев М.М.*, 1971б. С. 14). Автор затронул также семантику орнамента «древо жизни» (*Маммаев М.М.*, 1971б. С. 14, 25), провел анализ изделий, связанных с культом солнца (*Маммаев М.М.*, 1971б. С. 16–17) и луны (*Маммаев М.М.*, 1971б. С. 17), почитанием священных животных (*Маммаев М.М.*, 1971б. С. 22–23). В работе рассмотрена также символика амулетов (*Маммаев М.М.*, 1971б. С. 34, 36) и некоторых изделий из камня (*Маммаев М.М.*, 1971б. С. 37).

Культовые изделия из камня подвергнуты анализу также в диссертационной работе М.М. Маммаева (*Маммаев М.М.*, 1971а. С. 224–226).

В более поздних исследованиях, посвященных семантике изобразительного сюжета на бронзовой бляхе «мать и дитя», вывод о языческой символике этого изделия был пересмотрен автором и осмыслен как образ христианской Богородицы (*Маммаев М.М.*, 1976. С. 97–102; 1989. С. 33).

В целом, исследования М.М. Маммаева, посвященные характеристике высокохудожественных изделий античного и раннесредневекового времени с территории Прикаспийского Дагестана, ряд которых снабжен анализом заключенной в их декоре символики, являются основой для решения религиоведческих проблем, хотя некоторые позиции автора требуют корректировки и углубленной разработки, что обусловлено ограниченностью источниковой базы 60–80-х гг. XX в. и уровнем развития отечественной религиоведческой науки в это время.

Предметы материальной культуры с территории Прикаспийского Дагестана античного и раннесредневекового периодов неоднократно рассматривались и в работах М.П. Абрамовой. Но только в одной статье была поднята проблема сим-

волики одного из видов украшений – металлических лунниц (Абрамова М.П., 1998. С. 61–67). В ряде работ М.П. Абрамовой исследовались некоторые виды керамических сосудов и металлических украшений, наделенных специфической формой или декором (Абрамова М.П., 1969; 1979; 1980; 1984; 1987; 1998). Одной из тем, поднимаемой в ее работах, была тема о зооморфных ручках на керамических сосудах с памятников Северного Кавказа. В статье «О керамике с зооморфными ручками» (Абрамова М.П., 1969. С. 69–84) автор выделила Прикаспийский Дагестан (городище Урцеки и одноименные некрополи) в особую локальную территорию, где в I–II вв. получили распространение кувшины с ручками в форме лошадок (Абрамова М.П., 1969. С. 79). Исследователь считала эту традицию исходящей с территории Закавказья (Кавказская Албания). Сосуды со стилизованными зооморфными ручками с длинным отростком в верхней части, получившие широкое распространение на Северном Кавказе в III–V вв. н.э. (Абрамова М.П., 1969. С. 79), автор причислила к ритуальным сосудам и считала их декор проявлением «общности некоторых идеологических представлений, отражаемых в оформлении ритуальных сосудов, у населения Северного Кавказа в первой половине I тыс. н.э.» (Абрамова М.П., 1979. С. 43). На новых материалах с территории Северного Кавказа М.П. Абрамова пришла к выводу, что керамика с зооморфными ручками начинает распространяться в регионе несколько раньше – в III–II вв. до н.э. (Абрамова М.П., 1984. С. 15) и одновременно (Абрамова М.П., 1984. С. 17). Однако прежний вывод автора об исходном ареале этой традиции – Кавказской Албании остался в силе (Абрамова М.П., 1984. С. 18–19), несмотря на полемику по этому вопросу в печати (См.: Абрамова М.П., 1984. С. 15. Прим. 2).

Вопрос об истоках традиции декорирования керамических сосудов ручками зооморфной формы и причинах распространения этой традиции на Северном Кавказе в сарматское время рассматривался М.П. Абрамовой и в других работах (Абрамова М.П., 1979. С. 42–43; 1987. С. 67–69). В статье «Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматскую эпоху» (Абрамова М.П., 1987) автор исследовала эту проблему конкретно на материалах дагестанских памятников. Сосуды с зооморфными ручками в виде лошадок (Таркинский, Капчугайский, Урцекинский могильники) М.П. Абрамова считала порождением закавказского влияния (Абрамова М.П., 1987. С. 67. Рис. 1, 14–17).

В ее работах затронут также вопрос о происхождении кувшинов с «пышным» орнаментом (Абрамова М.П., 1979. С. 47. Рис. 5, 17, 19; 1987. С. 70–72. Рис. 2, 10–12). Автор считала этот тип сосудов продукцией дагестанского производства, испытывавших, однако, в орнаментике влияние керамических традиций Кавказской Албании (Абрамова М.П., 1979. С. 47; 1980. С. 115–116; 1987. С. 70–71).

Доводы автора о прямом влиянии традиций керамического производства Кавказской Албании на орнаментацию и декор упомянутых выше сосудов с территории Дагестана носят в основном формальный характер, основанный не на анализе артефакта в его целостности (форма сосуда, форма ручки, орнамент, цвет, состав глины и т.д.), а на разборе разновидностей приемов орнаментации (наличие валиков, насечек, точек и т.д. в разнотипных орнаментах). Однако распространение сосудов определенного типа и орнаментации в конкретном регионе обуславливается проявлением специфических представлений идеологического плана, господствующих в обществе. Выявление символики орнаментов может объяснить и причины их появления, и истоки зарождения.

В статьях М.П. Абрамовой рассмотрены и некоторые виды металлических украшений специфической формы – подвесок в виде двойной секиры (*Абрамова М.П.*, 1966. С. 96; 1980. С. 139. Рис. II, 23–26, V, 14–16), бычьих голов (*Абрамова М.П.*, 1980. Рис. II, 32–33) и лунниц (*Абрамова М.П.*, 1998. С. 61–67. Рис. 1–2). Символика подвесок в виде двойной секиры определена автором как проявление культа луны и скотоводства у местных племен (*Абрамова М.П.*, 1966. С. 96). Подвески-лунницы ряд исследователей считает женскими амулетами (См.: *Абрамова М.П.*, 1998. С. 62), но М.П. Абрамова признавала в лунницах различных форм с территории Дагестана (подвесках и накладках на обувь и ремни уздечек) лишь утилитарное назначение (украшения) (*Абрамова М.П.*, 1998. С. 65–66).

Следует отметить, что при характеристике многочисленного инвентаря погребений Большого Буйнакского кургана (*Абрамова М.П.*, 1980. С. 115–142) М.П. Абрамова ни одну из его категорий не отнесла к ритуальной или как-то связанной с религиозными представлениями населения. Во всех перечисленных работах основное внимание автором уделено вопросам хронологии инвентаря, их ареалу, истокам происхождения и направлению культурных импульсов в Северокавказском регионе.

В ряде исследований В.Б. Ковалевской затронуты или напрямую задействованы некоторые виды предметов материальной культуры с территории Прикаспийского Дагестана (*Ковалевская В.Б.* (Деопик), 1963; 1973; 1978; 1981а, б). В них в основном рассмотрены приемы классификации изделий, их датировка, ареал и культурная принадлежность. Вопросы символики изделий автором специально не поднимались, но в ряде работ обращено внимание на наличие знаковых изображений на некоторых из них и ритуальное назначение других.

В статье «Производство и импорт средневековых бус Дагестана» (*Ковалевская В.Б.*, 1973. С. 62–79) рассмотрены крупные коллекции бус из погребений Верхнечирюртовского I грунтового могильника VI–VII вв. (1620 экз.), Агачкалинского могильника VIII–IX вв. (487 экз.) и Большого Буйнакского кургана (*Ковалевская В.Б.*, 1973. С. 64–67, 69. Рис. 1–2). В частности, автор детально проанализировала разновидности бус многогранной формы и материал, из которых они изготовлялись, определила их хронологию, установила места производства и пути проникновения на Северный Кавказ. Семантику разнообразных форм и декора бус автор в своих работах не затрагивает, хотя отмечает, что в конкретные хронологические периоды на определенных территориях Северного Кавказа были распространены специфические наборы бус (*Ковалевская В.Б.*, 1973. С. 75–79). По нашему мнению, это могло быть связано с религиозной символикой как материала, из которого изготовлялись бусы, так и их цвета и формы.

В специальной работе (*Ковалевская В.Б.* (Деопик), 1959. С. 48–65), посвященной анализу бус из погребений IV–V вв. Северного Кавказа, подобные изделия из Дагестана автором не рассмотрены. В разделе «Археология СССР», посвященном раннесредневековым древностям Восточного Предкавказья (*Ковалевская В.Б.*, 1981а. С. 93–97), такая категория материальной культуры, как бусы, автором не привлечена. В статье «Классификация и хронология украшений VI–IX вв.» (*Ковалевская В.Б.* (Деопик), 1963. С. 122–148) приведена краткая сводка типов бус из могильников Северного Кавказа VI–IX вв., в том числе и из могильников Дагестана – Верхнечирюртовского грунтового (*Ковалевская В.Б.* (Деопик), 1963. С. 138–140, 145) и Агачкалинского могильников (*Ковалевская В.Б.* (Деопик), 1963. С. 138–140, 145–146), среди них упомянуты и бусы в виде многогранника (*Ковалевская В.Б.*

(*Деоник*), 1963. С. 139–140, 144. Рис. 5, 32). Семантика форм, цвета и материала бус автором не рассматривалась, но четко выделен круг этих изделий VI–IX вв.

В этой же статье (*Ковалевская В.Б. (Деоник)*, 1963) проанализированы металлические украшения из могильников Северного Кавказа, среди них – височные кольца с многогранной бусиной из Дагестана, определенные исследователем как серьги с напускной бусиной типа 1 (*Ковалевская В.Б. (Деоник)*, 1963. С. 131), и отмечены серьги с шаровидными подвесками разного количества (*Ковалевская В.Б. (Деоник)*, 1963. С. 131–132). Автором затронуты вопросы их ареала, а также торгово-экономических связей населения Северного Кавказа в исследуемый период. Семантику и этих изделий автор не рассматривала.

К специальным работам В.Б. Ковалевской по анализу сакральных предметов материальной культуры относится статья «Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа» (*Ковалевская В.Б.*, 1978. С. 111–120). В ней среди других материалов упомянуты бляшка в форме коня из культурного слоя городища Урцеки и некоторые типы массивных блях из погребений могильника Бежта с парными изображениями коней у «древа жизни» (*Ковалевская В.Б.*, 1978. С. 114–115. Рис. 1, 7; 2, 1–2). В.Б. Ковалевская считает амулеты в форме коней или коней с всадниками мужскими, знаками дружинного культа, знаками отличия воинов, а также предметами отражающими родоплеменную принадлежность (*Ковалевская В.Б.*, 1978. С. 118). Исследователь связывает семантику амулетов в виде коней с идеологией индоиранских племен, с культом солнца и жертвенным животным конем в этом культе, а также с символикой царской власти или принадлежностью к высшей знати (*Ковалевская В.Б.*, 1978. С. 118–119). Аналогию культа коня на Кавказе исследователь приводит из сочинения армяноязычного историка VII в. Мовсеса Каланкатуаци (*Мовсес Каланкатуаци*, 1861), в котором описаны языческие верования населения «страны гуннов» (*Ковалевская В.Б.*, 1978. Прим. 27. С. 119). Однако В.Б. Ковалевская приверженцев этой традиции (культ коня) обозначает «древними албанами», в то время как у Мовсеса Каланкатуаци речь идет о религии племен «страны гуннов» с преимущественным тюркоязычным населением (гунны, хазары) (*Гмыря Л.Б.*, 2009. С. 192–467).

В разделе «Археология СССР» В.Б. Ковалевской рассмотрены некоторые изделия (височные кольца с многогранной бусиной, амулеты разных форм, металлические зеркала, инкрустированные бляхи), которые по заключенной в них символике могут быть отнесены к разряду ритуальных (*Ковалевская В.Б.*, 1981а. С. 96). Автор отметила малочисленность амулетов с территории Дагестана, отнеся к этому виду изделий подвески в форме двусторонних секир, зооморфные подвески и подвески с солярным орнаментом (*Ковалевская В.Б.*, 1981а. С. 96. Рис. 64, 8, 9–16, 29, 82, 83, 98, 127), хотя в сводной таблице этой работы помещены изображения амулетов и других форм.

В статье «Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе» (*Ковалевская В.Б.*, 1981б. С. 43–52) автор, характеризуя керамические сосуды из погребений Верхнечирюртовского I грунтового могильника, указала на наличие среди них сосудов с символическими изображениями на внешних сторонах донцев (*Ковалевская В.Б.*, 1981б. С. 47, 49. Рис. 2, 3; 3, 14), интерпретируя их как клейма. Семантика этих изображений автором не рассмотрена, как и факт наличия клейм на небольшом количестве сосудов. Появление гончарных клейм на керамических сосудах памятников Прикаспийского Дагестана в VI–VIII в. было

отмечено В.Б. Ковалевской и в разделе «Археология СССР», однако интерпретация этому явлению не дана (Ковалевская В.Б., 1981а. С. 95. Рис. 69, 17).

Ряд работ Д.М. Атаева посвящен исследованию металлических подвесок с многогранной бусиной. В частности, в статье «Височные привески с четырнадцатигранником» (Атаев Д.М., 1963б. С. 231–235) автор рассмотрел различные аспекты – классификацию, хронологию, ареал, первичный очаг зарождения, придя к выводу о дагестанском происхождении височных привесок с многогранной бусиной (Атаев Д.М., 1963б. С. 235). Исследователь отметил, что изделия этой формы, трансформировавшись в гипертрофированные экземпляры, стали на длительный период (V–VII вв.) характерной чертой женских украшений горных районов Дагестана (Атаев Д.М., 1961. С. 241–242, 246. Рис. 20, 15; 22а, 2; 24, 11; 1963б. С. 233. Рис.1). Д.М. Атаев считал эти специфические украшения принадлежностью сармато-аланской культурной среды, выделив четыре локальных региона их распространения – Дагестан, Центральный Кавказ, Крым и Карпаты (Атаев Д.М., 1963б. С. 233).

Прослеживая эволюцию форм височных привесок с многогранником, исследователь, на наш взгляд, ошибочно наметил их развитие от форм с литой бусиной к формам с полый бусиной (Атаев Д.М., 1963б. С. 234). Такой вывод справедлив для подвесок гипертрофированных размеров с полым граненым кольцом и также полый бусиной, получивших распространение только в горных районах Дагестана. Изделия классических размеров в виде проволочного кольца с полый бусиной, инкрустированной цветными стеклами, датируются по находкам с территории Прикаспийского Дагестана (Паласа-сыртский курганный могильник) концом IV– первой пол. V в. (Гмыря Л.Б., 1993. С. 247–249). Семантика височных привесок с многогранной бусиной автором не рассматривалась, хотя было обращено внимание на тенденцию декорирования многогранной бусиной изделий и иного функционального назначения – фибул и так называемых «туалетных» ложечек, что, вероятно, имеет идеологическую подоснову.

В работах Д.М. Атаева имеются также сведения о фактах нахождения в некоторых могильных комплексах горных районов Дагестана керамических сосудов с орнаментом «древо жизни» (Атаев Д.М., 1959. С. 188; 1961. С. 232. Рис. 9, 6), а также сосудов, декорированных желобками (Атаев Д.М., 1961. С. 232. Рис. 9,9) и сосудов с донными клеймами (Атаев Д.М., 1961. С. 237. Рис. 11, 1; 16, 5; 1973. Рис. 2, 1), характерных главным образом для памятников Прикаспийского Дагестана. Проблемы семантики знаков и декора сосудов в этих работах не рассматривались.

М.Г. Магомедов в своем обобщающем исследовании «Образование Хазарского каганата» (Магомедов М.Г., 1983) среди других затронул проблему религиозных представлений населения Прикаспийского Дагестана в раннем средневековье (Магомедов М.Г., 1983. С. 155–174), однако основное внимание уделил христианству и иудаизму в Хазарии, в то время как языческие верования населения освещены незначительно. Их характеристика основана главным образом на данных письменных источников с минимальным использованием археологических материалов. В частности, автором упомянуты амулеты в виде птиц, мышек и масок, выявленные в инвентаре Верхнечирюртовского курганного могильника (Магомедов М.Г., 1983. С. 156), костяные амулеты из клыков и зубов диких животных из слоев Андрейаульского городища (Магомедов М.Г., 1983. С. 156), а также костяные накладки на луку седел с орнаментом и изобразительными сюжетами из погребений Верхнечирюртовского курганного могильника (Магомедов М.Г., 1983.

С. 80. Рис. 20, 6, 10, 16; 23; 27, 19–24), но их анализ и семантика не приведены. В этой работе не рассмотрены знаки на черепице и донцах сосудов Андреяульско-го городища, зооморфный декор сосудов этого же городища, семантика «пышного» орнамента на одном из типов сосудов.

Костяным накладкам на луки седел автор посвятил специальную статью (*Магомедов М.Г.*, 1975а. С. 275–281), в которой выделил две группы изображений – с орнаментом (геометрическим и растительным) и со сценами охоты (*Магомедов М.Г.*, 1975а. С. 277–280). Наиболее подробно автором рассмотрены изображения сцен охоты (*Магомедов М.Г.*, 1975а. С. 278–280), хотя к таковым условно можно причислить лишь один сюжет: пара лучников, целящихся в животных (кабан и когтистый волк). Изображение коня в галопе и всадника на нем на другой накладке (*Магомедов М.Г.*, 1983. Рис. 2; 3) может быть осмыслено как военная сцена. Автор рассмотрел стилистику изображений на костяных накладках, выявил аналогии помещенных на них сюжетов и изобразительной манеры, указав на большую зависимость верхнечирюртовских образцов от канонов сцен охоты, господствовавших в изобразительном искусстве сасанидского Ирана. Автор интерпретировал рисунки на костяных накладках из Верхнего Чирюрта как изображения быта кочевников Хазарского каганата. Никаких символических значений в этих рисунках автор не усмотрел.

В статье «Население Приморского Дагестана в VII–VIII вв.» (*Магомедов М.Г.*, 1981. С. 109–126) М.Г. Магомедов поместил рисунки верхнечирюртовских накладок, но в тексте только упомянул о них (*Магомедов М.Г.*, 1981. С. 122. Рис. 10). Интересно отметить, что в первичной публикации и интерпретации материалов Верхнечирюртовского курганного могильника автор упомянул находки костяных накладок с изобразительными сценами из кургана 17, но в таблицах рисунков их не поместил, хотя изображения накладок с геометрическим орнаментом в них имеются (*Магомедов М.Г.*, 1977а. С. 21–22; 1977б. Рис. 16, 19, 23–24).

Многие исследователи рассматривали символику изображений на серебряном ковше, обнаруженном в кладе у Коцкого города на реке Оби в Зауралье (Библиографию см.: *Даркевич В.П.*, 1976б. С. 167–169; *Флерова В.Е.*, 2001. С. 100; *Фонякова Н.А.*, 2002. С. 67). Ковш из Коцкого городка считается произведением торевтов Хазарского каганата и ярким образцом художественных изделий (*Даркевич В.П.*, 1974; 1976а–б).

На внутренней поверхности ковша размещены две группы процарапанных изображений. На широком горизонтальном ободке – сцена борьбы двух спешившихся всадников; различные виды диких животных в чередовании с символическим деревом; сцена псовой охоты всадника и сцена стрельбы спешившегося всадника во льва. На донной части ковша помещено основное изображение – 8 обнаженных мужских фигур, 7 из которых держат в поднятых руках мечи (по два у каждой фигуры). Фигуры увенчаны трехзубчатыми уборами, на шее шестерых имеются подвески ромбической формы.

Исследователи обычно рассматривают изображения на ковше как два самостоятельных, независимых и не связанных между собой сюжета, давая каждому из них свою интерпретацию. Чаще всего в работах рассматривается изображение на бортике ковша. Оно интерпретируется или как сакральная сцена, или как иллюстрация героического эпоса (См. историографию этого вопроса: *Флерова В.Е.*, 2001. С. 100; *Фонякова Н.А.*, 2002. С. 68). В частности, В.П. Даркевич определил его как единоборство двух богатырей или ритуальное свадебное единоборство ви-

тязя с девушкой (*Даркевич В.П.*, 1974). С.А. Плетнева видела в нем изображение ритуального свадебного единоборства богатыря с девушкой-богатыршей (*Плетнева С.А.*, 1976. Рис. 23; 1981. С. 75. Рис. 49, 2). В.Е. Флерова связала изображение на бортике этого ковша с календарной символикой, содержащей информацию о суточной и годичной цикличности (утро, весна – полдень, лето – вечер, осень – ночь, зима) (*Флерова В.Е.*, 2001. С. 100. Рис. 21). Н.А. Фонякова тоже рассматривала только изображение на бортике ковша, считая его иллюстрацией социальной ситуации в Хазарском каганате (двоевластие в лице кагана и бека). По мнению исследователя, на бортике ковша изображен поединок кагана с претендентом на трон и каган во время охоты (*Фонякова Н.А.*, 2002. С. 68–69). Однако эта версия должна соответствовать данным письменных источников о форме власти у тюрков вообще и в Хазарском каганате, в частности, и способах ее установления.

Среди различных интерпретаций центрального изображения (обнаженные фигуры мужчин с мечами в руках) наиболее реальна интерпретация В.П. Даркевича, считающего его иллюстрацией одного из поминальных обрядов древних тюрков Прикаспийского Дагестана (битвы на мечах обнаженных мужчин вблизи кладбища), описанного Мовсесом Каланкатуаци в «Истории агван» (*Даркевич В.П.*, 1974. Прим. 4).

На наш взгляд, изображения на ковше из Коцкого городка следует рассматривать в комплексе, считая их связанными общей идеей или сюжетом. Главный сюжет, скорее всего, изображен в центральной части ковша (обнаженные антропоморфные фигуры с мечами в руках), а на бортике ковша помещена дополнительная информация из этого сюжета. Необходимо обратить внимание на тот факт, что на Урале найдено в составе кладов 170 серебряных сосудов иранского, среднеазиатского и византийского происхождения, на 18 из них нанесены врезные рисунки, на многих – поверх существовавших орнаментов и изображений. Чаще всего на них встречаются изображения антропоморфных фигур с зубчатыми головными наконечниками и с холодным оружием (*Лещенко В.Ю.*, 1976. С. 176–178. Рис. 19–22). По мнению В.Ю. Лещенко, изображение антропоморфных фигур с оружием иллюстрирует обрядовый танец шаманов (*Лещенко В.Ю.*, 1976. С. 184–185). Сочетание изображения антропоморфных фигур с изображениями зверей определяется автором как иллюстрирующее проявление местным населением Западной Сибири в IX–XI вв. охотничьей магии (*Лещенко В.Ю.*, 1976. С. 185). Однако распространение в Северной Азии (Сибири) однотипных изображений группы антропоморфных фигур с холодным оружием на различных изделиях в широком хронологическом диапазоне (VIII–XI вв.) свидетельствует о бытовании на этой территории общего фольклорного сюжета, отражающего ритуальную практику. И, скорее всего, не конкретной области верований (охотничья или иная магия), а универсального набора обрядовых действий, объединенных общей символикой.

На ковше из Коцкого городка, на наш взгляд, изображены: 1) ритуальная битва обнаженных мужчин (служителей культа) с использованием холодного оружия (мечей, кинжалов, сабель); 2) ритуальные поединки в борьбе; 3) ритуальная псовая охота всадников на диких животных; 4) ритуальная стрельба из лука по цели спешившегося всадника. Этот набор ритуальных действий использовался, к примеру, на территории Прикаспийского Дагестана в наиболее значимых для этнокультурных сообществ религиозных событиях – в цикле поминальных обрядов, свадебном обряде, обрядах осеннего цикла (военные сборы в полевых лагерях) и др. (*Гмыря Л.Б.*, 2009. С. 420–467).

В работе О.М. Давудова «Серебряное блюдо из Ирагинской гробницы (Дагестан)» (Давудов О.М., 1984. С. 77–87) рассмотрена семантика знаков, помещенных по периметру внутренней поверхности орнаментированного серебряного блюда, происходящего из разрушенного захоронения V в. у с. Ираги. Автор осмыслил эти изображения как знаки лунного календаря (Давудов О.М., 1984. С. 82–86), а само блюдо определил как ритуальный предмет, который использовался при исполнении религиозных культов в «царстве гуннов» Дагестана. О.М. Давудов упоминал в статье и другие категории культовых предметов из гробницы, но их анализа не дал (Давудов О.М., 1984. С. 86). Предложенная автором трактовка изобразительного сюжета на блюде из с. Ираги вполне убедительна, однако истоки изобразительных приемов в написании знаков остались нераскрытыми.

В ряде работ М.С. Гаджиева также разрабатывались вопросы семантики изображений и знаков на предметах материальной культуры Прикаспийского Дагестана, в том числе затрагивался вопрос и о символике изображений на чаше из погребения у с. Ираги (Гаджиев М.С., 1997. С. 45). М.С. Гаджиев не признает ее ритуальное назначение, считая серию знаков на ее поверхности изображением «перехватов в основании лотосов», помещенных мастером с целью заполнить свободное пространство между медальонами. Однако 12 однотипных изображений лотосов должны были иметь также однотипные изображения перехватов. Но, по данным О.М. Давудова, 12 знаков образованы семью их разновидностями: в четырех случаях использовались знаки четырех типов в различных ракурсах и дополнительный знак в виде точки; три начертания знаков индивидуальны (Давудов О.М., 1984. С. 84. Рис. 4 и 5). Такая сложная форма знаков не может быть воспринята как изображение перехватов цветка. Содержание орнаментальной композиции блюда, господство солярной символики, многократно повторенной в различных вариантах орнамента, размещенного на внутреннем поле чаши, не оставляют сомнений в ритуальном назначении этого изделия.

В статьях, посвященных геммам с территории Дагестана (Гаджиев М.С., 1987. С. 139–155; 2004. С. 100–115), автор останавливается на трех проблемах – первичной символике изображений на геммах, определяя их предметами сасанидского декоративно-прикладного искусства; функциональном назначении в пределах этнокультурной среды; вторичной символике изображений на геммах. М.С. Гаджиев анализирует геммы, происходящие с памятников Прикаспийского Дагестана (Агачкалинский могильник VIII–X вв., Верхнечирюртовский I грунтовый и курганный могильники VII–VIII вв.; Бавтугайский могильник; городище Урцеки, Дербент) (Гаджиев М.С., 1987. С. 139–144, 147. Рис. 1, 1–6, 10; 2, 20–21). Все изделия автором отнесены к сасанидской глиптике, а семантика рисунков определена как отражающая каноны и образы зороастрийской религии (Гаджиев М.С., 1987. С. 139–150). М.С. Гаджиев пришел к выводу, что собственники этих гемм использовали их и как украшения, включая в состав ожерелий, и как талисманы. Прямое функциональное назначение гемм в качестве печатей на территории Дагестана, по мнению автора, не имеет подтверждений (Гаджиев М.С., 1987. С. 150–151). Автор отмечает, что иранская символика изображений на геммах была непонятна местным дагестанским жителям, и они осмысливались в соответствии с их религиозными представлениями (Гаджиев М.С., 1987. С. 150–151). Религиозные представления населения рассмотрены автором обобщенно. Отмечено, что такие образы, как бык, конь и олень, являлись почитаемыми в среде народов Кавказа. Но из 21 экз. описанных изделий только на трех имелись упомянутые изо-

бражения, символика других изделий автором не связывается с конкретными проявлениями религиозных воззрений местного населения, не определена также этнокультурная среда их использования. Из 21 экз. гемм у 9 экз. не установлено место находки, еще 9 экз. входили в состав погребального инвентаря могильников Прикаспийского Дагестана VII–VIII вв. (Верхнечирюртовский грунтовый могильник, Бавтугайский грунтовый могильник, Агачкалинский могильник), в значительной степени характеризующих культуру номадов. Не раскрытым остался вопрос о причинах распространения на территории Дагестана сасанидских гемм в постсасанидский период и отсутствие таковых в период наивысшего влияния Сасанидского Ирана в регионе (V–VI вв.).

В статье, посвященной двум геммам со среднеперсидскими надписями из Дагестана, М.С. Гаджиев приводит несколько иные данные. В частности, автором отмечается, что коллекция гемм с территории Дагестана включает 40 изделий (Гаджиев М.С., 2004. С. 102), тогда как в публикации 1987 г. упомянуты 21 гемма и еще более шести их заготовок (Гаджиев М.С., 1987. С. 148). Гемма из Дербента с надписью, как указывается в публикации 1987 г., найдена в слое X – нач. XI в. (раскоп IV, помещ. 3, ярус VI) (Гаджиев М.С., 1987. С. 148). В публикации 2004 г. приведена идентичная информация о выходных данных геммы из Дербента, но датировка культурного слоя с этой находкой не указана (Гаджиев М.С., 1987. С. 102), а сама гемма отнесена к V–VII вв. (Гаджиев М.С., 1987. С. 102, 109–110).

В заключительной части статьи автор высказал предположение, что геммы с надписями принадлежали служителям зороастрийской религии или представителям светской знати Ирана (Гаджиев М.С., 2004. С. 112), и не совсем ясно, территория Дагестана являлась первичным ареалом использования этих гемм или вторичным, как указывалось в публикации 1987 г. Пользование научным аппаратом статьи 2004 г. затруднительно, т.к. библиография в тексте и в списке литературы подана в различном виде (в тексте под порядковыми номерами, в списке литературы под именами исследователей).

В некоторых работах М.С. Гаджиева затрагиваются предметы материальной культуры с территории Прикаспийского Дагестана, наделенные знаковыми начертаниями. В частности, в монографическом исследовании «Древний город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа» (Гаджиев М.С., 2002) автор, характеризуя керамическое производство городищ Прикаспия, отмечает наличие знаков на некоторых образцах сосудов Урцекинского городища, главным образом на ручках (Гаджиев М.С., 2002. С. 118), однако среди них не упоминает знаки на сосудах других памятников региона – Андрей-аульского, Верхнечирюртовского и Казаркалинского городищ, Агачкалинского, Бавтугайского и Паласа-сыртского поселений, Дурангинского, Уркарахского, Паласа-сыртского, Верхнечирюртовского I могильников и др.).

Признавая определенную М.М. Маммаевым двойную функцию знаков (метки мастеров и знаки-обереги), М.С. Гаджиев развил тему функционального назначения знаков на керамике, осмыслив их как клейма семейной группы мастеров-керамистов (Гаджиев М.С., 2002. С. 118–119).

Интересна разработка автора о семантике красного цвета в декоре красноангобированных сосудов с территории Дагестана, как символизирующего огонь и несущего в себе охранительную и очистительную функцию (Гаджиев М.С., 2002. С. 119).

В этой же работе М.С. Гаджиев рассматривает некоторые изделия из камня городища Урцеки, причисляя их к культовым предметам – поделки в форме фал-

лоса со знаковыми начертаниями и каменное основание с резным растительным орнаментом (Гаджиев М.С., 2002. С. 170–171), однако символику изображений на них не рассматривает.

Серия работ М.С. Гаджиева посвящена анализу уникального изделия – бронзового ритона в форме коня из Шаракунского клада (Гаджиев М.С., 1990. С. 53–58; 1997. С. 70–72; 1999. С. 156–157; 2002. С. 140–141). Вопрос о семантике декора ритона поднят только в одной работе (Гаджиев М.С., 1997), в ней автор определяет ритон в форме коня, как символ «солнечного божества албанцев» (Гаджиев М.С., 1997. С. 72).

Автор обратил также внимание на своеобразный декор некоторых сосудов с зооморфными ручками в виде лошадок с головками, повернутыми во внешнюю сторону (Гаджиев М.С., 1997. С. 80. Рис. 15), однако семантику такой трактовки декора ручек у этих сосудов в сравнении с ручками-лошадками кувшинов городища Урцеки автор не рассмотрел.

В совместном исследовании А.А. Кудрявцева и М.С. Гаджиева «Знаки 6-го столетия в Дербенте» (Kudrjavcev A.A., Gadziev M.S., 2001. P. 357–390) представлен каталог знаков, выявленных на стенах цитадели и города Дербента (Kudrjavcev A.A., Gadziev M.S., 2001. P. 362–377) и дана их систематизация (Kudrjavcev A.A., Gadziev M.S., 2001. P. 379. Рис. 20–23), построенная на формах знаков. Приведены также сравнительные таблицы знаков-тамг из Дербента и других экономических центров (Хазария, Закавказье, Иран) (Kudrjavcev A.A., Gadziev M.S., 2001. Рис. 24–26). Авторы основную серию знаков из Дербента определяют как тамги-клейма мастеров, т.е. как строительные знаки (Kudrjavcev A.A., Gadziev M.S., 2001. P. 387). Семантика начертаний знаков в работе не рассматривается.

Раскрытию символики изображений и знаков на различных объектах и предметах материальной культуры посвящены монографии Ариэля Голана «Миф и символ» (Голан А., 1994) и «Предыстория религии. Мифология символов» (Голан А., 2003). Эти работы основаны на археологических и этнографических материалах. Их хронология охватывает период от появления первых символических изображений (эпоха неолита) до XX в. включительно. Ареал использованных материалов обширен – страны всех континентов. Основная цель работы – показать механизм зарождения символики как явления духовной культуры человечества, выявить первичный смысл основных символических изображений и проследить трансформацию содержания символов на протяжении истории человечества. Работы А. Голана снабжены большим числом иллюстраций и обширной библиографией.

В исследованиях А. Голана задействованы и материалы из Дагестана, но главным образом этнографические – рисунки надмогильных стел, каменные рельефы на фасадах жилищ, деревянные детали с резным орнаментом в интерьере жилищ и бытовые деревянные предметы с резным орнаментом. Автор привлек также некоторые археологические предметы из Дагестана в качестве иллюстраций различных категорий символов.

В главе «Бык-луна» А. Голан рассмотрел семантику изображений быка, определив их как мужские символы и символы плодородия (Голан А., 1994. С. 52–54). Изображения же в виде рогов быка вместе с полным диском луны автор интерпретировал как сочетание бога неба (луна) и бога земли (бык) (Голан А., 1994. С. 55–57). В качестве одного из примеров такой символики на Кавказе А. Голан привел металлические подвески в виде голов быка из горных районов Дагестана (Голан А., 1994. С. 52. Рис. 67, 6).

В главе «Косой крест» (Голан А., 1994. С. 118–119) автор определил символику начертания косоугольного креста как женский знак, понимаемый в эпоху неолита как образ Великой богини, а с эпохи бронзы как мужской знак, символизировавший солнце. Сочетание косоугольного и прямого креста, по мнению автора, содержало в себе идею связи бога земли (прямого креста) и богини неба (косоугольного креста). А. Голан ссылается на изображение двойного креста в центральной композиции бронзовой подвески из погребения Верхнечирюртовского I грунтового могильника «мать и дитя» как на использование языческой символики в христианской эмблематике (Голан А., 1994. С. 118. Рис. 219, 1; Golan A., 2003. Р. 288. Рис. 300, 1). Он, однако, не рассматривает символику других деталей композиции этой подвески.

В главе «Четыре стороны света» (Голан А., 1994. С. 103–108), в которой исследуется символика начертаний крестов различной формы, А. Голан сослался на каменный крест одной из раннесредневековых церквей Верхнего Чирюрта (Голан А., 1994. Рис. 194, 4; Golan A., 2003. Р. 264. Рис. 275, 4) как на пример изображений креста с точками на концах. Как видится, в христианской символике имелось особое, специфическое содержание, исходящее из христианской мифологии и истории христианства. И использование этой символики для иллюстрации идеологических представлений в доисторические эпохи представляется некорректным и методически неоправданным.

В главе «Древо жизни» (Голан А., 1994. С. 156–159; Golan A., 2003. Р. 368–378) автор исследовал изображения священного дерева, определяя их как символы Великой богини (Голан А., 1994. С. 156–159). В качестве примера символического воплощения этого образа у народов Дагестана исследователь ссылается на конструкцию и декор центрального столба в жилищах населения горных районов Дагестана, интерпретируя его как изображение женского божества (Голан А., 1994. С. 158–159. Рис. 217, 2–3; 339, 1; 369, 1; Golan A., 2003. Рис. 440; 441, 1–4; 443–445; 448, 4).

Образ же священного дерева, получивший воплощение в изображениях на керамических кувшинах раннесредневековых памятников Дагестана, в данной главе не рассматривается. Одно из них – изображение древа жизни с оленями по обеим сторонам из городища Урцеки интерпретируется в главе «Священная триада», которая посвящена анализу изображений богини и прибогов в различных проявлениях, в том числе в символике композиции в виде древа жизни и животных по его сторонам (Голан А., 1994. С. 156. Рис. 359, 3). Автор указал, что сосуды с подобными изображениями из Дагестана датируются первыми веками н.э., ссылаясь на статью М.М. Маммаева (Маммаев М.М., 1967. С. 150), однако М.М. Маммаев относит распространение этих сосудов к VI–VII вв. н.э. (Маммаев М.М., 1967. С. 152) и на указанной А. Голаном странице датировок не приводит.

А. Голан определяет также истоки трехфигурных композиций с деревом жизни в центре из Дагестана: «В Дагестане трехфигурные композиции, как правило, имеют средним элементом растительный символ. Эта деталь свидетельствует о том, что данная эмблема попала в Дагестан не ранее первой пол. I тыс. до н.э., когда в странах Ближнего Востока получил распространение такой ее вариант» (Голан А., 1994. С. 162). Этот вывод исходит из датировки пряжки из Бежтинского могильника с изображением двух коней по обеим сторонам вертикальной ветви дерева, которую автор относит к I тыс. до н.э. (Голан А., 1994. С. 160. Рис. 350, 1; Golan A., 2003. Р. 379. Рис. 462, 1), ссылаясь на О.М. Давудова (Давудов О.М., 1974. С. 311). Однако пряжки Бежтинского могильника с однотипным стилисти-

ческим декоративным оформлением и идентичной семантикой обычно датируются VIII–X вв. (Атаев Д.М., 1963а. С. 150–156; Маммаев М.М., 1989. С. 35–40), а попытка О.М. Давудова отнести некоторые из образцов этих пряжек к глубокой древности (Давудов О.М., 1974. С. 108–109) признана М.М. Мамаевым как неубедительная (Маммаев М.М., 1989. С. 35). В совместной статье М.М. Мамаева и О.М. Давудова (Давудов О.М., Маммаев М.М., 2005. С. 167) авторы подтверждают устоявшуюся датировку этих изделий (VIII–X вв.).

Что касается сосудов с изображением древа жизни из поселений и могильников Прикаспийского Дагестана, то они имеют узкую хронологию (VI–VII вв.), ограниченный ареал и отражают систему религиозных представлений населения «страны гуннов» Прикаспия, подробно описанную Мовсесом Каланкатуаци (Мовсес Каланкатуаци).

В целом, исследования А. Голана представляют собой энциклопедию символов духовной культуры разных народов, но археологические материалы из Дагестана использованы автором без особой системы, в крайне незначительном количестве, что не способствует воссозданию системы символов в духовной культуре народов Дагестана.

В некоторых совместных публикациях А.И. Абакарова и Р.Г. Магомедова приведены данные о случайных находках раннесредневекового периода с чертами сакральности. В одной из них дано детальное описание кувшина, происходящего из с. Ново-Мехельта (Абакаров А.И., Магомедов Р.Г., 1990. С. 50–52. Рис. 1). Сосуд примечателен уникальным для Дагестана графическим изображением на передней части тулова схематической фигуры человека. Авторы определяют это изображение как мужской образ, не раскрывая его семантику (Абакаров А.И., Магомедов Р.Г., 1990. С. 51). В другой статье (Абакаров А.И., Магомедов Р.Г., 1991. С. 190–202) затронута проблема хронологии и формирования такого вида украшений, как металлические подвески кольцевидной формы с многогранной металлической бусиной (Абакаров А.И., Магомедов Р.Г., 1991. С. 196–197). Авторами отмечена необходимость уточнения хронологии этих изделий, разработанной Д.М. Атаевым (Атаев Д.М., 1963б) с учетом новых материалов (Абакаров А.И., Магомедов Р.Г., 1991. С. 197). Признавая справедливость этого замечания, стоит однако указать, что ими не учтены датировки этих изделий, приведенные М.П. Абрамовой по материалам Большого Буйнакского кургана, В.Г. Котовичем и Л.Б. Гмырей по данным Паласа-сыртского могильника. Приводя мнение А.К. Амброза о месте сложения этого типа украшений и датировке им образцов из Паласа-сыртского могильника, авторы не сослались на его исследования (Абакаров А.И., Магомедов М.Р., 1991. С. 196–197).

В публикации инвентаря из разрушенных погребений Башлыкентского могильника (Абакаров А.И., Магомедов М.Р., 1991. С. 198–201) этими же авторами представлены некоторые изделия, несущие в себе ритуальную символику – бронзовый колокольчик бипирамидальной формы, кремневый ретушер, крупная бусина многогранной формы (Абакаров А.И., Магомедов Р.М., 1991. Рис. 5, 1, 14, 22), которые весьма характерны для начального этапа Великого переселения народов (IV–V вв.).

Различные проявления символики в предметах материальной культуры населения Прикаспийского Дагестана в IV–VIII вв. рассматривались также нами. Исследовалась семантика орнаментов металлических зеркал из погребений раннего средневековья, в том числе орнаментов зеркал на каменной форме для их отливки

(Гмыря Л.Б., 1985а. С. 155; 1987. С. 83; 1990а. С. 59–72. Рис. 1–4; 1990б. С. 254–259. Рис. 1–2; 1993. С. 258–264. Рис. 38, 1–3, 7–8; 2001а. С. 62; 2001в. С. 302–304. Рис. 5, 1–2). Отмечался ритуальный характер металлических стержневых привесок и металлических узколенточных привесок с фигурным концом (Гмыря Л.Б., 1993. С. 264–265. Рис. 39, 8–9; 2001а. Рис. 1, 14–15; 3, 15–17; Гмыря Л.Б., 2001а. С. 57–58, 63. Рис. 1, 33–34; 2, 2–3; Гмыря Л.Б. и др., 2007. С. 160–173). Разрабатывалась семантика специфических наборов предметов материальной культуры в погребальном обряде (Гмыря Л.Б., 2001а. С. 57–69. Рис. 1–4). По-новому рассмотрено содержание антропоморфного изображения на бронзовой подвеске (мать и дитя) из Верхнего Чирюрта (Гмыря Л.Б., 1986. С. 101–103. Рис. 1; 1995. С. 233–237. Рис. 6). Выявлено также символическое значение костяных подвесок (Гмыря Л.Б., 1988. С. 44. Рис. 4, 3) и раковин каури (Гмыря Л.Б., 2001а. С. 62), а также рассмотрена символика кремневых орудий в погребениях (Гмыря Л.Б., 1985а. С. 155–156; 1987. С. 83; 1993. С. 265. Рис. 38, 6).

В серии работ, посвященных характеристике керамических сосудов с территории Прикаспийского Дагестана, нами затрагивалась проблема семантики орнаментальных композиций на керамике, особенностей декора ручек сосудов, обращалось внимание на особый характер знаковых наклепов на поверхности сосудов. В частности, поднимался вопрос о семантике «пышного» орнамента на кувшинах (Гмыря Л.Б., 1980. С. 114–115. Рис. 5, 6–10; 1997. С. 20; 1998. С. 34–35; 2000. С. 149–151. Рис. 2–5), орнамента «древо жизни» (Гмыря Л.Б., 1984. С. 81. Рис. 3 и 4; 2001б. С. 69. Рис. V, 1–7; XI и XII; 2004. С. 42–45), концентрического орнамента в виде змей (Гмыря Л.Б., 1984. С. 81, 84. Рис. 5 и 6; 2001б. С. 69–70, 77. Рис. VI, 1–3), декора кувшинов характерными признаками кабана (Гмыря Л.Б., 1990б. С. 257; 2005). Рассматривалась также символика зооморфных ручек некоторых типов на кувшинах и кружках (Гмыря Л.Б., 1980. С. 118, 120. Рис. 8, 1–10; 1990б. С. 256. Рис. 3). Указывалось на особый характер лепных знаков на котлах и некоторых типах мисок (Гмыря Л.Б., 1979. С. 269–275; 1980. С. 107. Рис. 1, 7; 2, 2). Обращалось внимание на символическое значение знаков на черепице из Андреяульского городища (Гмыря Л.Б., 2001в. С. 306. Рис. 7, 1–5) и связь изображений на хазарской торевтике с мифологией и религией населения Прикаспийского Дагестана IV–VII вв. (Гмыря Л.Б., 1995. С. 263. Рис. 8). Хотя перечень указанных работ не свидетельствует о систематическом характере наших исследований по символике знаков, изобразительных сюжетов и декора предметов материальной культуры названного региона, но этой проблеме нами уделялось особое внимание.

Анализ работ, в которых с разной степенью полноты затронута проблема семантики символических изображений на предметах материальной культуры с поселений и могильников IV–VII вв. Прикаспийского Дагестана, показывает, что собственно исследований, непосредственно посвященных этой теме, насчитывается не более двух десятков (Маммаев М.М., 1967; 1971б, в; 1973; 1976; 1989; Абрамова М.П., 1966; Давудов О.М., 1984; Ковалевская В.Б., 1981а; Магомедов М.Г., 1975; Даркевич В.П., 1974; Голан А., 1994, Golan A., 2003; Гмыря Л.Б., 1990а; 1997; 2001а; 2005; 2008; Гаджиев М.С., 1987; 1990; 2004). В них рассмотрена семантика 11 категорий предметов материальной культуры – орнамент «древо жизни» на керамических кувшинах, знаки на керамических сосудах, изображение «мать и дитя» на бронзовой подвеске, чаша с календарной символикой, ковш с сюжетными изображениями, амулеты, сюжетные изображения на костяных накладках луки седла, изображения на геммах, символика подвесок в виде двулезвийных секир,

символика вещевых наборов в погребениях, орнамента металлических зеркал, символика «пышного» орнамента. Фактически систематическому анализу семантики изображений подверглась лишь незначительная часть фонда предметов, наделенных символикой. Обобщение данных о языке символов, сформировавшихся в конкретном регионе (Прикаспийский Дагестан) в определенную историческую эпоху (время Великого переселения народов) в рамках функционирования стойкой политической системы («страна гуннов»), в среде неоднородных этнокультурных общностей позволит воссоздать реальную картину религиозных воззрений населения Прикаспийского Дагестана.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абакаров А.И., Магомедов Р.Г., 1990.* Сосуд с антропоморфным изображением из сел. Ново-Мехельта // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.
- Абакаров А.И., Магомедов Р.Г., 1991.* Новые археологические находки из горного и плоскостного Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Абрамова М.П., 1966.* О пережитках культа двойной секиры в раннесредневековом Дагестане // Труды ГИМ. Археологический сборник. Вып. 40. М.
- Абрамова М.П., 1969.* О керамике с зооморфными ручками // СА. № 2.
- Абрамова М.П., 1979.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени // СА. № 2.
- Абрамова М.П., 1980.* Буйнакский курган // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Абрамова М.П., 1984.* О происхождении северокавказской керамики с зооморфными ручками // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Абрамова М.П., 1987.* Особенности культуры населения Дагестана в албано-сарматскую эпоху // СА. № 4.
- Абрамова М.П., 1998.* О датировке некоторых лунниц с территории Дагестана // Древности Северного Кавказа. Махачкала.
- Атаев Д.М., 1959.* Галлинский могильник – памятник средневековой Аварии (Серира) // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Т. VI. Махачкала.
- Атаев Д.М., 1961.* Некоторые средневековые могильники Аварии // МАД. Т. II. Махачкала.
- Атаев Д.М., 1963а.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала.
- Атаев Д.М., 1963б.* Височные привески с четырнадцатигранником // СА. № 3.
- Атаев Д.М., 1973.* Археологические исследования в горном Дагестане осенью 1962 г. // МАД. Т. III. Махачкала.
- Гаджиев М.С., 1987.* Памятники Сасанидской глиптики из Дагестана // Художественная культура средневекового Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.С., 1990.* Бронзовый зооморфный сосуд из Шаракунского клада // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.
- Гаджиев М.С., 1997.* Между Европой и Азией: Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала.
- Гаджиев М.С., 1999.* Шаракунский клад (Дагестан) // Древности Северного Кавказа. М.
- Гаджиев М.С., 2002.* Древний город Дагестана. Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. М.

Гаджиев М.С., 2004. Сасанидские геммы со среднеперсидскими надписями // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М.

Гмыря Л.Б., 1979. Глиняные котлы Андрейаульского городища // СА. 1979. № 1.

Гмыря Л.Б., 1980. Столовая керамика Андрейаульского городища // Средневековые древности евразийских степей. М.

Гмыря Л.Б., 1984. Из истории ремесленного производства в средневековом Дагестане // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала.

Гмыря Л.Б., 1985. Паласа-сыртский могильник (по материалам раскопок 1981–1983 гг.) // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала.

Гмыря Л.Б., 1986. Языческие культы у гуннов Северо-Восточного Кавказа // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала.

Гмыря Л.Б., 1987. Погребальный обряд Паласа-сыртского могильника: (Этносоциальная интерпретация) // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала.

Гмыря Л.Б., 1988. Изделия из кости и рога Паласа-сыртского поселения (IV–VI вв. н.э.) // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.

Гмыря Л.Б., 1990а. Металлические зеркала из катакомбных погребений Прикаспийского Дагестана. Типология и семантика орнаментальных мотивов // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.

Гмыря Л.Б., 1990б. Двусторонняя форма для отливки зеркал из Дагестана // СА. 1990. № 1.

Гмыря Л.Б., 1993. Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. Могильники. Махачкала.

Гмыря Л.Б., 1995. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала.

Гмыря Л.Б., 1997. Кувшины с «пышным» орнаментом: типологическая характеристика, ареал, хронология, функциональное назначение // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): тезисы докладов II Международной археологической конференции. Самара.

Гмыря Л.Б., 1998. Особенности декорирования кувшинов с «пышным» орнаментом // Юбилейные международные XX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. Ставрополь.

Гмыря Л.Б., 2000. Ареал кувшинов с «пышным» орнаментом // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3. Волгоград.

Гмыря Л.Б., 2001а. Одевание слугителей языческих культов в «стране гуннов» Прикаспия // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Материалы III Международной археологической конференции. Самара.

Гмыря Л.Б., 2001б. Агачкалинское поселение (По материалам раскопок К.Ф. Смирнова и Л.Б. Гмыря) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XI. М. – Магнитогорск.

Гмыря Л.Б., 2001в. Античные параллели в материальной культуре населения Западного Прикаспия (специфические атрибуты) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. X. М. – Магнитогорск.

Гмыря Л.Б., 2001г. Весенний обряд «обновления ножен священного меча» у табасаранцев // Амирани. Вестник международного Кавказологического научно-исследовательского общественного института. IV–V. Монреаль – Тбилиси.

Гмыря Л.Б., 2003. Культ священного меча табасаранцев (Семантика обряда «обновление ножен священного меча») // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIII. М. – Магнитогорск.

Гмыря Л.Б., 2004. Кувшины с орнаментом «древо жизни» с территории Дагестана // Историко-культурные и экономические связи народов Кавказа: прошлое, настоящее, будущее. Тезисы докл. Международной научной конференции. Махачкала.

Гмыря Л.Б., 2005. Кувшины с желобчатой поверхностью Паласа-сыртского поселения // Древности Кавказа. Махачкала.

Гмыря Л.Б., 2008. Культ священных деревьев в религиозных воззрениях населения Прикаспийского Дагестана (VII–VIII вв.) // РА. № 2.

Гмыря Л.Б., 2009. Религиозные представления населения Прикаспийского Дагестана в IV–VII вв. Махачкала.

Гмыря Л.Б., Ильюков Л.С., Магомедов Р.Г., 2007. Восточногерманские элементы в декоре парадного костюма в материалах погребальных комплексов Паласа-сыртского курганного могильника (IV–VII вв.) // Археология, этнография и фольклористика Кавказа // Материалы междунаучной конференции. Махачкала.

Голан А., 1994. Миф и символ. Иерусалим. М.

Давудов О.М., 1974. Еще раз о пряжках бежтинского типа // Древности Дагестана. Махачкала.

Давудов О.М., 1984. Серебряное блюдо из Ирагинской гробницы (Дагестан) // СА. № 1.

Давудов О.М., Маммаев М.М., 2005. Типология и художественно-стилистические особенности средневековых зооморфных пряжек из Западного Дагестана // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала.

Даркевич В.П., 1974. Ковш из Хазарии и тюркский героический эпос // КСИА. № 140. М.

Даркевич В.П., 1976а. Художественный металл Востока. М.

Даркевич В.П., 1976б. О некоторых группах европейской торевтики IX–X вв. (к вопросу о восточных влияниях в искусстве Европы) // Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Приложение 1. М.

Исаков М.И., 1966. Археологические памятники Дагестана (Материалы к археологической карте). Махачкала.

Ковалевская В.П. (Деопик), 1963. Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // МИА. № 114.

Ковалевская В.Б., 1973. Производство и импорт средневековых бус Дагестана // МАД. Т. III. Махачкала.

Ковалевская В.Б., 1978. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии восточной Европы. М.

Ковалевская В.Б., 1981а. Северокавказские древности // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.

Ковалевская В.Б., 1981б. Археологические следы пребывания древних болгар на Северном Кавказе // Сборник. Плиска – Преслав. 2. София.

Лещенко В.Ю., 1976. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Приложение 2. М.

Магомедов М.Г., 1975. Костяные накладки седла из Верхнечирюртовского могильника // СА. № 1.

- Магомедов М.Г.*, 1977а. Верхнечирюртовский курганный могильник // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала.
- Магомедов М.Г.*, 1977б. К вопросу о происхождении культуры Верхнечирюртовского курганного могильника // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала.
- Магомедов М.Г.*, 1981. Население Приморского Дагестана в VII–VIII вв. // Сборник. Плиска – Преслав. 2. София.
- Магомедов М.Г.*, 1983. Образование Хазарского каганата. М.
- Маммаев М.*, 1965. О знаках на керамике Урцекинского городища // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в 1964 г. в СССР (Тезисы докладов). Баку.
- Маммаев М.М.*, 1967. О происхождении одного дагестанского орнаментального мотива // УЗ ИИЯЛ Даг. ФАН СССР. Серия общественных наук. Т. XVII. Махачкала.
- Маммаев М.М.*, 1969. К характеристике металлообрабатывающего ремесла Урцекинского городища албано-сарматского и раннесредневекового времени // УЗ Дагфилиала АН СССР. Т. 19. Серия общественных наук. Книга вторая (археология, этнография, досоветская история). Махачкала.
- Маммаев М.М.*, 1971а. Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. Оп. Д. 316.
- Маммаев М.М.*, 1971б. Духовная культура (идеология) населения средневековых городов Дагестана // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 295.
- Маммаев М.М.*, 1973. Знаки на керамике Урцекинского городища / МАД. Т. III. Махачкала.
- Маммаев М.М.*, 1976. О христианских символах и сюжетах в средневековом декоративно-прикладном искусстве Дагестана // Дагестанское искусствоведение. Махачкала.
- Маммаев М.М.*, 1989. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала.
- Маммаев М.М.*, 1999. Некоторые археологические данные к истории Зирихгерана–Кубачи // Кавказ и древний Восток. Махачкала.
- Марковин В.И., Исаков М.И.*, 1959. Древняя костяная статуэтка из Дагестана // КСИИМК. № 74. М.
- Мовсес Каланкатуаци*, 1861 – История агван Мойсея Каганкатваци, писателя X века. СПб.
- Пикуль М.И.*, 1957. Отчет о результатах археологических исследований в 1957г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 13; Архив ИА РАН. Р-1. № 1530, 1530а.
- Пикуль М.И.*, 1967. Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Пикуль М.И.*, 1991. Могильник у сел. Дуранги // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Плетнева С.А.*, 1976. Хазары. М.
- Плетнева С.А.*, 1981. Салтово-маяцкая культура // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.
- Полидович Ю.Б., Полидович Е.А.*, 1999. Прядение и ткачество в системе культуры народов Юго-Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Труды ГИМ. Вып. 109. М.

Тревер К.В., 1959. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э.–VII в. н.э. М., – Л.

Флерова В.Е., 2001. Образцы и сюжеты мифологии Хазарии. Иерусалим. М.

Фонякова Н.А., 2002. Изображение одного забытого обычая на хазарском сосуде из Коцкого городка // *Донская археология*. № 3–4. Ростов-на-Дону.

Цимиданов В.В., 1999. Веретено в обрядах населения срубной культуры // *Труды ГИМ*. Вып. 109. М.

Шереметьев Д.А., 2001. Символика оружия у народов Северного Кавказа // *Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения*. 1998–1999. Краткое содержание докладов. СПб.

Шишлина Н.И., 1999. Текстиль эпохи бронзы Прикаспийских степей // *Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей*. Труды ГИМ. Вып. 109. М.

Golan Ariel, 2003. Prehistoric religion. Mythology. Symbolism. Jerusalem.

Kudrjavcev A.A., Gadziev M.S., 2001. Steinmetzzeichen des 6. Ja-hrhunderts n. Chr. in Darband // *Archaologische mitteilungen aus Iran und Juran*. Band 33. Berlin.